

Александр Брежнев. 1979 год

Он появился в нашей редакции в самый разгар лютой стужи, грянувшей после долгого нудного дождя, накануне ноябрьских праздников 1976 года, — высокий, худой, в крытом тканью защитного цвета меховом полушубке (явно с чужого плеча), в серых, до самых колен, валенках и в шапке-ушанке, какие носили в увольнении солдаты стройбата — небольшой войсковой части в черте города. Нелепый вид будущего корреспондента районной газеты «Енисейская правда»,

предъявившего редактору красный диплом профессионального журналиста, выпускника Саратовского университета, обескуражил и редактора, и коллектив. Таких специалистов в Енисейск за все сорок пять лет существования газеты судьба ещё не заносила.

Ещё большее удивление вызвала громкая фамилия будущего коллеги — Брежнев! И это в пору правления генсека-однофамильца! Так редактор и представил нам на планёрке нового корреспондента отдела сельского хозяйства: Александр Петрович Брежнев. Саня — единодушно назвали мы нового коллегу, тем более что ему тогда ещё и до тридцати лет было далековато — наш ровесник... Весь коллектив редакции состоял из молодых сотрудников — выпускников филологического факультета Енисейского педагогического института, и звали мы друг друга просто по именам, исключая, конечно, редактора Валериана Ильича Сергеева и его заместителя, солидного и очень доброго человека, Александра Ивановича Фомина, который для нас, начинающих газетчиков, был учителем и наставником. Только на планёрках мы солидно, подражая старшим, называли коллег по имени-отчеству.

Саня оказался интересным человеком, простым в общении, очень начитанным товарищем, который, кстати, вовсе не кичился своей эрудицией, нередко удивляя нас интереснейшими

фактами из истории, искусства, литературы, был большим поклонником Окуджавы и Шукшина. Мы несерьёзно относились к разным там кроссвордам и сканвордам, а он в два счёта их разгадывал, иногда прибегая к помощи справочников и энциклопедий. В конце рабочего дня, когда все стремились поскорее к своим семьям, Саня никуда не спешил, так что уборщице приходилось его просто-напросто выпроваживать из редакции.

...Хорошо помню вечер 31 декабря; когда был подписан и отдан в печать в типографию новогодний номер, весь коллектив собрался в пресс-холле, а Саня, проработавший в редакции неполных два месяца, вдруг спокойненько так открыл единственную на всех бутылку «Советского шампанского» и прочитал новогодние стихи, посвящённые нам, его коллегам, — точнее, каждому из нас. Вот так Саня вошёл в наш коллектив.

И в сельское хозяйство района он так же незаметно для нас внедрился, объехав даже самые отдалённые северные совхозы и колхозы, и буквально к весне, к началу полевых работ, председатели многих хозяйств сами приезжали в редакцию, разыскивали корреспондента Брежнева, коротко докладывая о проделанной за зиму работе и предлагая интервью. Это было для нас, литературных сотрудников, таким непривычным явлением, что мы немедленно взяли на вооружение Санькин опыт общения с респондентами.

К громкой фамилии нового сотрудника мы, да и читатели тоже, привыкли очень быстро, но надо сказать, что Санин стиль изложения был узнаваем, хотя зачастую он подписывал свои материалы двумя псевдонимами — Б. Александров и А. Ровнов. Ровненская область Украинской ССР — его малая родина. Этот приём взяла на вооружение и я: кроме девичьей фамилии, использовала псевдоним, созвучный с названием посёлка, в котором я выросла, — Брянская. Были у нас и более «заковыристые» псевдонимы — Огнев, Громов, Кедрин, Северцев, Леднёв, Гордеева, Надеждина...

А как писал Саня! С удовольствием читала, и не только я, уже опубликованные в свежем номере его материалы. Когда же стала ответственным секретарём газеты, вычитывала и готовила к набору в типографии материалы других литературных сотрудников, Санькины рукописи казались мне образцовыми. Их почти не надо было править, за исключением, пожалуй, недостаточных знаний новым сотрудником некоторых нюансов в географии района: писал он хорошим литературным языком, толково раскрывая тему статьи, репортажа, интервью или

простой новостной информации, делая грамотные выводы. И даже если готовил критический материал (очень трудный газетный жанр в условиях небольшого провинциального городка и района), ему удавалось сохранять дружелюбный тон, не оскорблять и не доводить до «точки кипения» критикуемые обстоятельства или человека, будь то простой бригадир или сам руководитель хозяйства. Но было и одно исключение...

Помню, в отдел писем поступила жалоба на директора Верхнепашинского межхозяйственного предприятия по откорму и доращиванию скота (МХП). Хозяйство крепкое, передовое, постоянный победитель различных соревнований в районе. Но резолюция редактора была принципиальной: т. Брежневу — в печать, после проверки фактов. Саня оказался в сложном положении: с этим руководителем он был не просто в хороших отношениях, многие считали, что они дружили, хотя Василий Иванович Шуляр — человек семейный, а наш Саня почти до сорока лет в холостяках ходил.

Жаловалась на начальника телятница, которую он, по докладной бригадира, уволил за выход в нетрезвом виде на смену по уходу за молодняком. Уволенная женщина пришла на приём к начальнику требовать восстановления на прежней работе: мол, мать-одиночка, а на зарплату предлагаемой должности уборщицы детей не прокормишь. А когда подошла к столу директора, тот уловил крепкий запах перегара и, не сдержавшись, как это бывает у мужчин на селе, послал просительницу матом.

Саня наш оперативно съездил в село, встретился с уволенной телятницей, убедился в том, что она написала в газету правду о хамстве руководителя, что подтвердила и секретарша, и сам Василий Иванович... Он, наверное, не предполагал и не понял, что Саня этот факт обнародует в газете. Но распоряжение редактора — в печать — выбора корреспонденту не оставляло. Критическая статья на всю газетную полосу под названием «...А медные трубы не прошёл...» произвела фурор!

Мы ли не знали, как Саня «раскручивал» авторитет директора МХП, чуть ли не каждую неделю рассказывая читателям города и района о том, как назначенный директором молодой хозяйственник буквально «с нуля» развивал своё предприятие: возводил современные коровники и телятники; оборудовал выгоны и летние пастбища; первый в районе заканчивал заготовку кормов; заботился об условиях работы и быта своего коллектива.

На глазах расцветало село Верхнепашино: строились просторные, благоустроенные деревянные двухквартирные дома

с большими приусадебными участками — сначала для передовиков, а потом и для всех остальных; появились новые магазины, кафе-ресторан, больница, аптека, средняя школа, шикарный для села двухэтажный Дом культуры; вдоль тракта, проходящего через село, выросла берёзовая аллея.

И вдруг такое: после хвалебных од — критический материал в газете, заголовок которого недвусмысленно говорил (вспомним поговорку: прошёл огонь, воду и медные трубы), что «герой» статьи одолел все испытания, кроме последнего — испытания властью...

Василий Иванович был в бешенстве! Он давно отвык от критики в свой адрес и в адрес его хозяйства, читая и слыша только дифирамбы. В кабинете Сани он орал и ругался, потом выскочил оттуда взбешённый и красный.

Саня весь день не выходил из кабинета; наверное, и не поднимался из-за стола. К вечеру принёс мне на вычитку запланированный на следующий номер материал... На мой вопросительный взгляд ответил: переживём, Вася — человек горячий, но умный, поймёт... Не знаю, простил ли Василий Иванович Саню, но материалы из МХП заведующий сельхозотделом Брежнев по-прежнему планировал регулярно, а вот совместные посиделки по пятницам в ресторане, поговаривали знающие люди, прекратились.

Теперь Саня проводил свободное время в компании местной элиты — завидных женихов, молодых офицеров, выпускников знаменитой «Можайки» (не стройбата, нет, а солидной войсковой части «Полюс»). Эрудит и замечательный собеседник, он нашёл для себя достойное общество. Мы были рады за своего товарища, но по-человечески удивлялись: годы шли, а рядом с Саней не наблюдалось ни постоянной подружки, ни жены. Запомнился бурный, но недолгий роман с Изольдой — преподавательницей иностранного языка из педагогического училища, потом с красавицей-художницей.

В нашем же коллективе сотрудницы в основном семейные, а если кто и был свободен, то холостяцкий неухоженный вид Сани их отпугивал, как и то, что на работу он приходил нередко «с бодуна», да и просто пропах вином и табаком — курильщик был тот ещё. В редакции, это уж точно, романа у него не было, хотя на фоне местных кавалеров герой моего очерка казался очень внимательным, обходительным и галантным, а в дни рождений сотрудниц считался «штатным целовальником», то есть ему поручалось вручать подарки и целовать даму в щёчку.

Я очень уважала Саню как журналиста, несмотря на все его недостатки: в любой момент он был готов прийти на помощь — то есть за полчаса-час подготовить необходимый в данный момент материал, чтобы срочно заменить в уже готовой, казалось бы, газетной полосе тот, который нужно перепроверить или просто снять. Бывает такое в газетном деле. И только Саня был самым мобильным, незаменимым в нашем деле сотрудником, он знал положение дел в каждом хозяйстве — настоящий газетчик, талантливый, опытный, ответственный. Мы очень гордились тем, что у нас в коллективе был такой человек, и за рекомендациями для него в Союз журналистов России проблем не было.

Недостатки? Да, были таковые у нашего Сани. Что греха таить, частенько утром в понедельник после ночных бдений в обществе «господ офицеров» он заходил ко мне в кабинет, чтобы доложить о прибытии, с жутким перегаром, который щетно зажёвывал бутончиками гвоздики.

**Творческий коллектив «Енисейской правды»
в день 60-летия газеты — 5 января 1991 года.**

**Сидят: Галина Бесхлебная, Елена Дмитриева, Тамара Колесник,
Людмила Машукова, Александр Брежнев, Валериан Сергеев.**

Стоят: Сергей Баталов, Иван Лукьянцев, Юрий Дорогов

Редактор наш — человек очень строгий, и «нездоровый» вид работника грозил бы ему увольнением по статье. Тем более Саня — с набором строгих выговоров... Я уже была подготовлена к подобному появлению Сани и брала удар на себя: быстренько вкладывала в карман его пиджака или рубашки записку с темой материала, который он должен был к вечеру (если проспится) или утром принести уже в готовом к набору виде, и отправляла домой. Пришедшему редактору я с самым серьёзным видом докладывала, что срочно поменяла запланированный на пятничной планёрке материал для Брежнева и отправила его (по просьбе звонившего руководителя) в такой-то совхоз или колхоз в командировку...

Просто удивительно, сколько раз этот «номер» проходил! Саня ни разу меня не подвёл: проспавшись, приносил готовый материал по заданной тематике. Только единожды утром он слегка задержался у меня в кабинете со сбивчивыми объяснениями и встретился с редактором на лестнице... Увольнения удалось избежать, обошлось строгим выговором с последним предупреждением. Редактор и без моего (как он выражался) «адвокатства» понимал, что такой работник, как Брежнев, просто незаменим.

...К этому времени наш Саня женился — тихо, без шумной свадьбы, но всерьёз и надолго. Он сам мне рассказал историю своей любви; может, и не рассказал бы, но момент был подходящий: в кабинетах редакции по очереди шёл ремонт, и пока шли работы у Брежнева, редактор распорядился поставить его рабочий стол в мой кабинет, как самый большой. Сидели мы с Саней в разных концах большой комнаты, но это не помешало нам тепло и откровенно общаться. Он живо интересовался моей семьёй, взаимоотношениями с супругом, удивлялся, что, прожив вместе приличное количество лет, мы сохранили чувства, отметив, что он на это обратил внимание, когда всем коллективом собирались у меня дома. Такие мероприятия мы иногда проводили, бывали и дома у Брежневых, когда отмечали годик их маленькой Дашке. Кстати, на таких «семейных» встречах он никогда не напивался...

А потом Саня сам, без моих вопросов, рассказал, как встретил свою Галку в ресторане в компании празднующих какое-то событие сотрудников следственного изолятора, где она работала фельдшером.

«Увидел и обалдел! — так Саня выразил своё восхищение этой красивой и статной женщиной, имеющей, как потом оказалось, взрослых сына и дочь. — Я просто потерял голову!

А когда увидел её в танце — она двигалась так изящно, именно так, как мне нравится. Участь моя была решена! Представляешь, я нёс её на руках от ресторана до самого дома».

Видимо, действительно к Сане пришла любовь! Хотя теперь и говорят — химия... Молодому супругу где-то около сорока, Галке — тоже, но они оба решились на общего ребёнка. Дашка получилась на диво хороша! Вся в отца — чернявенькая, голубоглазая, умненькая, в школе отличница.

...И тогда же, сидя в одном кабинете, я поинтересовалась, как Саня попал из Саратова в Енисейск... До этого момента, оказывается, он никому в редакции не рассказывал эту историю. А история оказалась банальной.

После университета Саня познакомился с девушкой по имени Ирина, стали жить вместе. Но ситуация осложнялась тем, что папа этой девушки был из тех партийных «первачей», который сам решил управлять судьбой единственной дочери и её избранника. Жить и работать там, где требовал этот властолюбивый чиновник, прогибаться и угождать ему и его избалованному чаду Саня долго не смог!

Он сбежал в Сибирь в чём был — в лёгком демисезонном пальто и чёрных лаковых штиблетах (и это в конце октября!), купив билет до Красноярска.

Уже в поезде беглец познакомился с супружеской парой, возвращавшейся из отпуска в Енисейск, где они работали в крупном авиапредприятии: он — авиационный инженер, она — бухгалтер. Узнав, что попутчик едет в никуда, убедили, что Енисейск — лучшее место в Сибири, что город приравнен к районам Крайнего Севера, зарплаты там высокие, есть своя газета, а на первое время даже предложили пожить у них в большой трёхкомнатной квартире, пока он не снимет себе комнату. И ту несуразную одежду, в которой Саня появился в редакции, одолжили тоже эти добрые люди...

...Шли годы. После очередного инцидента с похмельем (ну не везло этому бесхитростному человеку!) уже женатый Саня Брежнев был уволен из редакции. Слава Богу, не по статье — редактор уважал редкий талант и учёл более чем двадцатилетний вклад толкового журналиста в газету.

А в это же самое время супруга нашего коллеги, как ветеран органов внутренних дел, получила сертификат на приобретение квартиры в любой части страны. Семья быстро собралась и уехала, купив квартиру в Подмосковье.

В первые месяцы Саня, по-видимому, очень скучал по редакции, по Енисейску и частенько звонил нам, коротко сообщая о себе: устроился корреспондентом в газету «Рошальский вестник», а уже через год, участвуя во всероссийском конкурсе, наш Саня получил высшую награду отечественной журналистики, став лауреатом ежегодной премии Союза журналистов России «Золотое перо России»!

Ещё через пару лет Александр Петрович Брежнев стал редактором газеты «Рошальский вестник»...

Он уже не злоупотреблял «зелёным змием»: во-первых, считал, что солидный возраст и высокая должность не позволяли «расслабляться»; во-вторых, подрастала красавица-дочь, а ей надо дать достойное образование; и, наконец, стало пошаливать сердце...

По этому поводу Саня шутил по телефону: дают о себе знать вольные холостяцкие пирушки.

Громом среди ясного неба стал для нас, журналистов «Енисейской правды», звонок Галины Александровны Брежневой: её супруг Александр Брежнев буквально накануне своего дня рождения, в августе 2010 года, скоропостижно скончался по дороге из редакции домой...

Остановилось сердце талантливого журналиста, просто порядочного и доброго человека, настоящего мужчины. Его нет с нами уже несколько лет, но, встречаясь, мы, его коллеги, и те, кто знал Александра Брежнева в Енисейске, тепло его вспоминаем.

P.S. Дочь Александра Брежнева Дарья выросла, выучилась и пошла по стопам отца — стала журналисткой, работает на телевидении города Рошаль.